№3728

Освободительная Библіотека.

Я. Новиковъ.

СОЦІАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМЪ.

Переводъ А. ВЯХИРЕВА.

ИЗДАНІЕ В. Д. КАРЧАГИНА.
Москва—1906.

13к

Освободительная Библіотека.

Я. Новиковъ.

СОЦІАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМЪ.

Переводъ А. ВЯХИРЕВА.

ИЗДАНІЕ В. Д. КАРЧАГИНА.
Москва—1906.

13к

Н.М
136
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
18028

типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.

Соціальный Дарвинизмъ.

I.

Когда 26/13 ноября 1859 года Дарвинъ выпустилъ свою безсмертную работу о происхожденіи видовъ, взволновался весь образованный міръ. У всѣхъ вырвался глубокій вздохъ облегченія! Было наконецъ навсегда распутано ярмо капризной божественности. Произволъ исчезалъ изъ природы; во всемъ водворялся стройный, величественный порядокъ. Человѣчество начинало чувствовать подъ своими ногами надежный фундаментъ реальнаго; появилась возможность оставить зыбкую почву субъективныхъ фантазій. Отживала потребность въ чудѣ. Положительная наука взялась за подчиненіе своей власти всего живущаго; человѣческій разумъ отнынѣ становился вполнѣ свободнымъ.

Дарвиновскіе принципы были немедленно приложены къ объясненію явленій природы, къ астрономіи, къ физіологіи, даже къ соціологіи. И это примѣненіе ихъ оказалось плодотворнымъ: оно обновило науку. Міръ, застывавшій передъ тѣмъ въ неподвижности, подобно египетскимъ муміямъ, встрепенулся. Всюду явились жизнь и движеніе.

Но дѣло не обошлось безъ крайности: энтузіазмъ, вызванный дарвинизмомъ, былъ непомѣрнымъ. Дарвинъ опьянилъ умы своихъ современниковъ. И такъ какъ въ человѣческой натурѣ сила противодѣйствія пропорціональна силѣ дѣйствія, дарвиновскіе выводы немедленно стали примѣняться далеко за предѣлами того, на что уполномочивала позитивная наука. Маятникъ знанія былъ неистово отброшенъ волной дарвинизма отъ отвѣсной линіи, и отклоненіе вправо повлекло за собою несчастное отклоненіе на равную дугу влѣво. Приложеніе ко всему безъ разбора закона борьбы за существованіе породило въ области соціологіи столько же ошибокъ, и ошибокъ очень грубыхъ, сколько истинъ первостепенной важности было выработано дарвинизмомъ въ областяхъ космологіи и біологіи. Впрочемъ подобное приложеніе дарвиновской теоріи было неизбѣжнымъ. Вполнѣ естественно, чтобы поверхностныя наблюденія и скороспѣлые выводы предшествовали болѣе внимательнымъ, болѣе точнымъ, осторожнымъ наблюденіямъ и болѣе разумнымъ, болѣе основательнымъ выводамъ: для собиранія достаточнаго количества фактическихъ данныхъ необходимъ и достаточно продолжительный срокъ. Нѣтъ ничего болѣе раціональнаго, чѣмъ введеніе элемента борьбы въ область химіи и астрономіи, съ одной стороны, и въ область соціологіи,—съ другой. Вещество и движеніе въ сущности одно и то же, существованіе неподвижнаго атома было бы абсолютно невозможнымъ. Слѣдовательно, все существующее въ мірѣ находится въ движеніи, и борьба является первоначаломъ. Она происходитъ всюду и всегда, не имѣя границъ

ни въ пространствѣ, ни во времени. Въ общемъ видѣ борьба сводится къ слѣдующей формулѣ: матеріальные атомы, сгруппировавшіеся около одного центра, удаляются отъ него и стремятся сгруппироваться вокругъ другого.

Но если борьба является міровымъ принципомъ, то ея формы или, если угодно, ея проявленія видоизмѣняются безъ всякаго предѣла. Формула, которую я только что далъ, въ сущности лишь стволъ, отдѣляющій отъ себя самыя разнообразныя и причудливыя развѣтвленія. Борьба, происходящая между химическими атомами, не имѣетъ ничего общаго съ борьбою, происходящей въ соціальной средѣ.

Разумѣется, большая ошибка полагать, что міровые законы, основные законы природы, какъ добренькая фея старинной сказки, обращаютъ свое благосклонное вниманіе на человѣка и, останавливаясь передъ порогомъ нашихъ общинъ, изливаютъ на человѣческій родъ неизреченныя милости. Было бы смѣшнымъ ребячествомъ питаться такими черезъ чуръ оптимистическими иллюзіями. Нѣтъ, борьба царствуетъ и въ области человѣческихъ отношеній, никогда не прерываясь, какъ и во всемъ остальномъ мірѣ. Но не менѣе грубая ошибка думать, что формы борьбы, происходящей въ общественной средѣ, совершенно аналогичны съ формами борьбы въ области астральныхъ, химическихъ и біологическихъ процессовъ.

Вообще можно сказать, что борьба усложняется прямо пропорціонально сложности условій, при которыхъ она происходитъ. Соціальныя явленія

обладаютъ большей сложностью, чѣмъ всѣ остальныя; поэтому должно ожидать a priori, что и процессъ соціальной борьбы будетъ обладать соотвѣтствующей сложностью. Человѣческая борьба и ея формы обособляются уже потому, что въ нихъ входитъ интеллектуальный элементъ, который отсутствуетъ въ химическихъ, астральныхъ и біологическихъ процессахъ. Соціологи должны тщательно избѣгать одностороннихъ идей: на землѣ есть мѣсто только строгимъ, точнымъ, положительнымъ наукамъ.

Но эти виды борьбы различаются между собою не только степенями ихъ сложности,—въ нихъ есть основныя, природныя различія.

Астральная борьба заключается въ процессахъ притяженія и химическаго сращенія. Небесныя тѣла, блуждающія въ пространствѣ (какова бы ни была ихъ плотность) притягиваютъ массы матеріи, попадающія въ сферу ихъ притяженія, и увлекаютъ ихъ за собою, отрывая отъ неподвижныхъ звѣздъ. Въ этой борьбѣ являются самыми счастливыми, если можно такъ выразиться, громадныя солнца, самыми же обездоленными оказываются скромныя маленькія звѣзды.

Біологическая борьба между животными высшихъ разрядовъ выражается въ совершенно иныхъ процессахъ. Одно животное нападаетъ на другое, умерщвляетъ его, ѣстъ и ассимилируетъ его мясо своему тѣлу при помощи пищеваренія.

Конечно, между астральной и біологической борьбой есть кое-какая аналогія. Обѣ онѣ входятъ въ одну общую формулу: атомы, сгруппировавшіеся вокругъ какого-нибудь центра, стре-

мятся сгруппироваться около другого. Но сколько частичныхъ особенностей находится рядомъ съ этимъ основнымъ сходствомъ! Можно еще задаться вопросомъ, не превосходитъ ли сумма различій сумму сходныхъ чертъ. Разумѣется, могутъ говорить, что звѣзда-побѣдительница пожираетъ побѣжденное небесное тѣло, но каждый понимаетъ, что это выраженіе—въ сущности чистая метафора. Притяженіе одного небеснаго тѣла другимъ и поглощеніе одного животнаго другимъ—совершенно различныя явленія. Во второе входитъ масса такихъ факторовъ, которые въ первомъ отсутствуютъ.

Изъ того, что элементъ борьбы можно отыскать во всемъ существующемъ, изъ того, что астральная форма борьбы такъ же необходима, какъ и біологическая, еще отнюдь не слѣдуетъ, что процессъ астральной борьбы долженъ быть вполнѣ аналогичнымъ съ процессомъ біологической борьбы.

То же самое можно сказать о соціальной борьбѣ. Она имѣетъ кое-что общее съ астральной и біологической борьбой, но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не вытекаетъ, что процессъ соціальной борьбы долженъ быть непремѣнно тождественнымъ съ процессомъ біологической борьбы, потому что явленія общественной жизни съ біологіей не имѣютъ ни малѣйшей связи. Каждая изъ этихъ областей выработала свои собственныя формы борьбы, которыя соотвѣтствуютъ ея природѣ. Совершенно справедливо, что соціальныя превращенія могутъ происходить только путемъ борьбы, какъ астральныя. Но нельзя говорить, что соціальныя превращенія могутъ совершаться только черезъ посредство біологическаго процесса истре-

бленія. Это утвержденіе до такой же степени необосновано и ненаучно, какъ утвержденіе, что астральныя превращенія могутъ происходить также исключительно черезъ біологическій процессъ пищеваренія. Всѣми признается, что немыслимо переносить процессъ астральной борьбы (притяженіе) въ область біологіи и біологическій процессъ (поглощеніе, истребленіе) въ область астрономіи. Это признано, но слѣдуетъ точно такъ же взглянуть и на соціальную борьбу. Она имѣетъ свой собственный, соціальный процессъ, котораго не должно смѣшивать съ двумя предыдущими. Нѣтъ никакого основанія увѣрять, что если свойственно законамъ природы, чтобы левъ уничтожалъ антилопу, точно такъ же свойственно имъ и то, чтобы люди истребляли одни другихъ, истребляли во вѣки вѣковъ. Вообразите астронома, который на основаніи того, что звѣздныя превращенія должны совершаться при помощи процесса притяженія, сталъ бы утверждать, что и въ животной жизни существуетъ тождественный процессъ и что одни животныя отрываютъ у другихъ клѣточки, въ силу этого присоединяющіяся къ нимъ и непосредственно группирующіяся около ихъ собственнаго тѣла. Нѣтъ, господинъ астрономъ, въ животномъ мірѣ клѣточки не присоединяются къ постороннимъ тѣламъ непосредственно, на это существуютъ своеобразные, болѣе сложные процессы, свойственные спеціально животной природѣ, именно процессы пищеваренія и ассимиляціи.

Такъ же разнится процессъ соціальной борьбы отъ борьбы въ животномъ мірѣ. Извѣстно нѣ-

сколько странъ, основанныхъ одной національностью и потомъ ассимилированныхъ другими, совершенно чуждыми (въ примѣръ можно взять романизацію когда-то кельтской Галліи). Это явленіе содержитъ въ себѣ, разумѣется, отдаленное сходство съ біологическимъ процессомъ поглощенія. Метафорически можно сказать, что Римъ поглотилъ Галлію. Но каждый человѣкъ пойметъ, что процессъ романизаціи Галліи не имѣетъ ничего общаго съ біологическимъ пищевареніемъ, процессомъ, который совершаетъ левъ, съѣдая убитую имъ антилопу.

Необходимо установить болѣе или менѣе прочно двѣ основныя истины: законъ борьбы вѣченъ и всеобъемлющъ, но формы этой борьбы, ея проявленія постоянно видоизмѣняются сообразно съ природой вещей, среди которыхъ она происходитъ. Ошибочно думать, что формы борьбы, господствующія въ одной части явленій, можно отыскать въ томъ же самомъ видѣ въ другихъ.

Соціальный дарвинизмъ учитъ, что процессъ біологической борьбы входитъ безъ всякихъ перемѣнъ въ область соціологіи; онъ утверждаетъ, что часто біологическій актъ (война, истребленіе) являлся первымъ толчкомъ къ возникновенію человѣческихъ ассоціацій и стремленія къ порядку. Соціальный дарвинизмъ, идущій въ разрѣзъ съ одной изъ наиболѣе прочно обоснованныхъ научныхъ истинъ, съ ученіемъ объ измѣненіяхъ процесса борьбы, можно a priori осудить, какъ ложную теорію.

Соціальный дарвинизмъ учитъ, что уничтоженіе (война) было исходной точкой человѣческихъ

ассоціацій и даже необходимымъ условіемъ прогресса. Но уничтоженіе на поляхъ сраженій, во время завоеваній, покоренія или въ какихъ-нибудь другихъ формахъ, деспотизмъ, накладывающій на побѣжденныхъ свою тяжелую руку *), въ сущности отрицательная сторона жизни, ослабленіе ея, какъ всякое страданіе. И соціальный дарвинизмъ клонится къ утвержденію того, что ослабленіе жизненной интенсивности порождаетъ впослѣдствіи увеличеніе, усиленіе этой интенсивности. Дѣло сводится такимъ образомъ довольно просто къ утвержденію, что зло является благомъ, къ прямому противорѣчію, такому же, какъ если бы стали доказывать, что мертвый покой въ сущности движеніе. Уже одно это можетъ подорвать всякое довѣріе къ соціальному дарвинизму; уже на одномъ этомъ основаніи его слѣдуетъ признать ложной теоріей. Истина гораздо проще. Она не сбивается съ прямой дороги, не бродитъ безвыходно между тремя соснами, не ищетъ вчерашняго дня. Она непоколебима, потому что основывается на прочномъ фундаментѣ закона тождественности, она знаетъ, что усиленіе жизни есть усиленіе жизни, а радость есть радость. Дарвинизмъ учитъ, что общественная жизнь становится болѣе подвижной (болѣе способной къ прогрессу), если она становится менѣе подвижной (при торжествѣ деспотизма, который обыкновенно сопутствуетъ всякимъ завоеваніямъ). Истина же, еще разъ, совершенно

*) Этотъ деспотизмъ неизбѣженъ, по крайней мѣрѣ въ первыя времена, потому что при условіи его ненадобности было бы простое добровольное соединеніе двухъ политическихъ общинъ, а не завоеваніе одной расы другою.

противоположна. Общественная жизнь подвижна, когда она подвижна (т.-е. при условіи свободы), и мертва, когда она мертва (умерщвлена тираніей).

Легко установить, что дарвинизмъ сбился съ правильнаго пути какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ему пришлось защищать въ научныхъ работахъ предположенія подобнаго рода, полныя самаго низменнаго труизма, какой только можно себѣ представить.

II.

Такимъ образомъ природа полна вѣчной повсемѣстной борьбы, но формы этой борьбы видоизмѣняются по мѣрѣ перехода отъ одного разряда явленій къ другому. Борьба химическихъ атомовъ выражается въ иныхъ формахъ, чѣмъ борьба астральная; борьба въ животномъ мірѣ отличается отъ борьбы химическихъ частицъ. Точно такъ же и общественная жизнь имѣетъ свои собственныя, спеціальныя формы борьбы; сходство соціальнаго прогресса: изобрѣтенія и критическія изслѣдованія.

Сейчасъ я постараюсь показать, почему дѣло обстоитъ такъ, а не иначе. Но прежде всего я хочу заявить, что въ моемъ опредѣленіи нѣтъ ни малѣйшей дозы оптимизма, идеальничанья или гуманитаризма. Нѣкоторыя изъ моихъ работъ подвергались нареканіямъ за эти тенденціи, будто бы скрытыя въ нихъ. Но подобныя нападки несправедливы. Напротивъ, я прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы выставлять вещи въ ихъ полнѣйшей реальности, хотя могъ, разумѣется, самъ не замѣчая того, иногда скользить въ своихъ

скромныхъ сочиненіяхъ по краю гуманитаризма. Но во всякомъ случаѣ мои произведенія написаны не съ цѣлью пропаганды миролюбія; они посвящены исключительно позитивной наукѣ. А впрочемъ, никто не можетъ утверждать, что въ правильномъ, безпристрастномъ освѣщеніи фактовъ и выясненіи истины есть хотя бы незначительная доля вреднаго оптимизма.

Передъ изложеніемъ дальнѣйшаго я долженъ указать на то, что психологія дарвинизма чрезчуръ примитивна и построена на давно устарѣвшихъ принципахъ. Дарвинисты, повидимому, еще не дошли до сознанія первостепенной важности чувства симпатіи въ общественной жизни. Для нихъ еще тайна, что удовлетвореніе этого чувства доставляетъ одну изъ самыхъ величайшихъ, если не самую величайшую радость сознательнаго существа. И если все живущее старается избѣгать скорбей и находитъ радости, вполнѣ естественно, что человѣкъ съ горячимъ рвеніемъ стремится за этой крупнѣйшей изъ всѣхъ радостей. Такимъ образомъ ясно, что влеченіе и состраданіе чувства, столь же часто встрѣчаются въ жизни, какъ жесткость и человѣконенавистничество, если не чаще послѣднихъ. Чувство состраданія, сочувствія такъ же реально, какъ и суровая замкнутость. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о безчисленномъ количествѣ благотворительныхъ учрежденій, которыя существуютъ на землѣ. Теперь оставимъ на время слишкомъ обширное поле разбора душевныхъ движеній и попробуемъ разбить аргументы, приводимыя дарвинизмомъ, по частямъ.

Переходимъ къ главной изъ нашихъ темъ.

Итакъ, самыми естественными орудіями въ общественной борьбѣ являются изобрѣтенія и изслѣдованія. Это доказывается слѣдующимъ образомъ.

Два живыхъ существа, находящихся въ условіяхъ непосредственнаго соприкосновенія, могутъ оставаться совершенно чуждыми другъ другу, пока между ними отсутствуетъ дѣятельное общеніе. Но лишь только создается это общеніе, организуется община. Въ большинствѣ случаевъ общеніе начинается обмѣномъ матеріальныхъ веществъ. Пока связь между составными единицами поддерживается исключительно потребностями животной природы, ассоціація носитъ біологическій характеръ; передъ нами своего рода многоклѣточный организмъ или животная колонія. Но мало-по-малу на лонѣ ассоціаціи нѣсколькихъ живыхъ единицъ присоединяется къ циркуляціи вещества циркуляція движеній. Ораторъ, говорящій передъ толпой, можетъ оказать очень большое давленіе на нее и можетъ привести ее къ совершенію опредѣленныхъ поступковъ. Это происходитъ единственно черезъ передачу движеній. Губы оратора колеблютъ воздушныя частицы; колебаніе послѣднихъ отражается на слуховой перепонкѣ, которая въ свою очередь передаетъ ихъ въ мозгъ, откуда онѣ исходятъ въ видѣ новаго движенія вибраціи нервовъ, дѣйствующихъ на мускулатуру. Этотъ актъ не является результатомъ обмѣна веществъ, онъ просто-напросто есть передача движеній.

Рѣчь оратора передъ толпой изображаетъ нервную систему. Лишь только послѣдняя формируетъ-

ся, начинается передача движеній съ окружности къ центру и отъ центра къ окружности.

На почвѣ циркуляціи вещества и движеній зарождается безчисленное количество біологическихъ организмовъ, составляющихъ группу животныхъ со сложными органами. Затѣмъ циркуляція движеній усложняется и утончается еще болѣе, переходя изъ органической жизни въ психическую. Между индивидами устанавливается общеніе: отъ мозга къ мозгу. Объединенные посредствомъ этихъ спеціальныхъ узъ психической связи, индивиды формируютъ общество. Муравьи, сообщающіеся другъ съ другомъ при помощи движенія сяжковъ, животныя, сносящіяся черезъ посредство криковъ, и человѣкъ, обладающій даромъ членораздѣльной рѣчи, уже образуютъ общины, основанныя на различныхъ началахъ.

Итакъ, община какой бы то ни было формы прежде всего предполагаетъ психическую дѣятельность. Помимо психической дѣятельности, она не можетъ существовать. Съ этой точки зрѣнія, община есть организмъ, живущій въ области психическихъ феноменовъ, послѣ чего становится вполнѣ понятнымъ, что формы соціальной борьбы должны согласоваться съ сущностью общества и происходить на почвѣ процессовъ психическаго порядка. Вполнѣ понятно и то, что создать разумно и справедливо устроенное общество можно только при исключительномъ пользованіи въ качествѣ орудій борьбы одними психическими процессами. Въ этомъ абсолютно нѣтъ ничего удивительнаго. Скорѣе обратное явленіе должно было бы повергнуть насъ въ изумленіе: было бы крайне

удивительно, если бы соціальная борьба и ея формы расходились съ общими законами природы. Какъ отвѣтили бы мы на утвержденіе, что біологическіе процессы выражаются въ формахъ, аналогичныхъ химическимъ, въ разложеніи и соединеніи атомическихъ группировокъ? Никогда не бываетъ ничего подобнаго. Напротивъ, замѣчены милліарды случаевъ, доказывающихъ, что біологическая борьба разыгрывается на почвѣ біологическаго процесса прямой или косвенной клѣточной ассимиляціи (одно животное поѣдается другимъ). Достаточно бросить самый поверхностный взглядъ вокругъ себя, чтобы убѣдиться въ спеціальности средствъ жизненной борьбы, которыя бываютъ пригодны исключительно для какой-нибудь одной области явленій и поэтому примѣняются только въ ней одной. За время существованія химіи и біологіи эта истина превратилась даже въ банальную (несмотря на то, что очень трудно провести границу между областями этихъ двухъ наукъ); но она необходимо должна сдѣлаться общепризнанной для соприкосновенія біологіи съ соціологіей. И важнѣйшая ошибка соціальнаго дарвинизма заключается именно въ непониманіи этого.

Открытія — мать соціальной борьбы. Бокъ о бокъ съ усовершенствованіемъ машинъ, накопленіемъ богатствъ они порождаютъ экономическую конкуренцію. Возьмемъ двухъ промышленниковъ, работающихъ въ непосредственной близости и производящихъ одинъ и тотъ же товаръ, напримѣръ, желѣзныя полосы. Если одинъ изъ нихъ находитъ способъ болѣе совершенной выдѣлки,

чѣмъ его сосѣдъ, или заводитъ лучше скомбинированныя машины, или улучшаетъ устройство мастерскихъ, онъ получаетъ возможность выпускать свои продукты дешевле и тѣмъ самымъ подрывать дѣло своего сосѣда. Послѣдній, видя, что его сбытъ ослабляется, что источники его доходовъ изсякаютъ, бываетъ принужденъ позаботиться о дѣятельной защитѣ своихъ интересовъ. Онъ старается добыть машины, заведенныя его конкурентомъ, или пріобрѣсти другія его преимущества, короче—борется. Этотъ процессъ экономическаго соревнованія слишкомъ хорошо извѣстенъ для того, чтобы говорить о немъ долѣе.

Когда изобрѣтательность касается общественной организаціи, дѣло усложняется. Прежде всего терминъ изобрѣтеніе кажется непримѣнимымъ по отношенію къ реформамъ политическаго порядка. Но это неосновательно. Умственный процессъ зарожденія и развитія идеи изобрѣтенія какъ въ техникѣ, такъ и въ политикѣ совершенно одинаковъ. Только впослѣдствіи, много позднѣе, появляется существенное различіе между ними. Всегда бываетъ моментъ, когда приборъ существуетъ только въ видѣ представленія, образа въ мозгу изобрѣтателя. Конечно, это представленіе можетъ реализоваться немедленно, если дѣло касается машины *). Когда же дѣло идетъ о соціальномъ институтѣ, этого

*) Внутренній образъ можетъ преобразоваться сначала въ планъ, затѣмъ въ модель, что придаетъ ему уже извѣстную тѣлесную реальность. Это невозможно въ области политики. Впрочемъ, слово *немедленно*, помѣщенное въ текстѣ, не вполнѣ точно; какъ извѣстно, нѣкоторымъ изобрѣтателямъ приходилось ждать по многу лѣтъ возможности осуществить идею ихъ приборовъ.

быть не можетъ. Но дальнѣйшія различія не препятствуютъ тождественности умственнаго процесса въ періодъ первоначальнаго творчества. Въ наши дни, напримѣръ, промышленное производство организовано извѣстнымъ образомъ; индивидуумъ можетъ представить себя среди иной организаціи. Это представленіе, трудное для его реализаціи, есть изобрѣтеніе. Когда авторъ этихъ страницъ представляетъ себѣ все человѣчество объединеннымъ въ федерацію, когда онъ представляетъ себѣ планъ этой политической ассоціаціи, онъ совершаетъ изобрѣтеніе точно такъ же, какъ механикъ, думая объ устройствѣ еще не существующей машины.

Если индивидъ воображаетъ новый видъ соціальнаго устройства, которое ему кажется полезнымъ для осуществленія его интересовъ, онъ желаетъ увидѣть его реализованнымъ. Но соціальный институтъ въ послѣднемъ анализѣ только серія актовъ, выполняемыхъ людьми. Для реализаціи изобрѣтенія необходимо, чтобы индивидуумъ-изобрѣтатель убѣдилъ людей принять и привести въ исполненіе то, что ему кажется полезнымъ. Изобрѣтатель выходитъ на проповѣдь своихъ идей. Если онѣ немедленно принимаются, наступаетъ соглашеніе, о которомъ я буду говорить дальше; если же онѣ не принимаются немедленно, приходится прибѣгнуть къ детальному изслѣдованію, и тогда возникаетъ полемика *).

*) Сюда я отношу словесныя пренія и борьбу въ печати за и противъ (книги, брошюры, газеты, журналы, программы, карикатуры и т. д.).

Изобрѣтатель ставитъ извѣстное положеніе, антагонисты критикуютъ. Если изобрѣтатель одерживаетъ верхъ надъ своими противниками, общество приступаетъ къ постепенному осуществленію его плановъ. Изобрѣтатель добивается своей цѣли, его желанія удовлетворяются,—словомъ, онъ торжествуетъ. Если противники не убѣждаются въ его правотѣ, онъ побѣжденъ. Въ случаѣ побѣды соціальные институты преобразуются сообразно съ идеями изобрѣтателя; въ случаѣ пораженія они остаются въ прежнемъ видѣ или, другими словами, въ той формѣ, какую далъ имъ предыдущій изобрѣтатель. Соціалисты, напримѣръ, требуютъ уничтоженія частной собственности и замѣны ея коллективной. Во главѣ этого движенія слѣдуетъ поставить Карла Маркса. Если соціалисты убѣдятъ человѣчество въ томъ, что коллективная собственность выгоднѣе частной, частная собственность будетъ уничтожена. Карлъ Марксъ восторжествуетъ. Если же соціалисты не окажутся въ силахъ установить коллективную собственность, они будутъ побѣждены тѣми людьми, которые въ свое время создали частную собственность. Человѣческая работа, какого угодно рода, какъ въ области техники, такъ и въ области соціологіи, проходитъ фазы, которыя я только что описалъ.

Если проанализировать развитіе соціальныхъ явленій съ достаточной строгостью, придется понять его, какъ вѣчную борьбу безъ промежутковъ и перемирія. И тогда будетъ необходимо считаться со степенью возможности въ данный моментъ добиться успѣха въ томъ или другомъ движеніи впередъ. Борьба при помощи біологическихъ

средствъ (убійство и грабежъ или, другими словами, смерть мгновенная или длительная) можетъ совершенно исчезнуть изъ нашего рода, тогда какъ борьба въ иныхъ формахъ, въ формахъ изобрѣтенія и критическаго изслѣдованія (средства соціальнаго прогресса), можетъ продолжаться съ величайшей интенсивностью во вѣки вѣковъ. И если что-нибудь способно привести человѣчество къ застою и вырожденію, такъ это исчезновеніе интеллектуальныхъ формъ борьбы, а не исчезновеніе біологическихъ формъ. Вотъ чего не понимаютъ дарвинисты, перепутавшіе совершенно несходныя вещи и не анализирующіе съ достаточной строгостью соціальныхъ явленій. Но дарвинисты могутъ успокоиться. Для того, чтобы изобрѣтеніе исчезло, какъ средство борьбы, необходимо чудо, необходимо ниспроверженіе міровыхъ законовъ природы, необходимо, чтобы одна изъ существующихъ субстанцій — субстанція мозга — сдѣлалась вдругъ неподвижной, мертвой! Но неподвижная субстанція, чистый абсурдъ — противорѣчіе.

Если эта абсолютная нелѣпость когда-нибудь реализуется, то во всѣхъ случаяхъ справедливость погибнетъ безъ возврата, потому что существованіе справедливости не только не уменьшаетъ силы изобрѣтательности и критическаго изслѣдованія, а, напротивъ, ихъ увеличиваетъ. Только въ чаду анархіи и деспотизма мысль ослабѣваетъ, изнемогаетъ и нѣмѣетъ. При торжествѣ порядка и свободы она движется, дѣйствуетъ и сверкаетъ лучами.

Такимъ образомъ сила изобрѣтательности и критическое изслѣдованіе—естественныя орудія въ со-

ціальной борьбѣ. Но эта истина еще далеко не признана общественнымъ мнѣніемъ. Предположимъ на одно мгновеніе, что она открыта мной. Слѣдуетъ ли отсюда, что этого явленія не существовало раньше? Ни въ какомъ случаѣ. Леверрье открылъ планету Нептунъ въ 1848 году. Слѣдуетъ ли отсюда, что она не вращалась вокругъ солнца въ продолженіе многихъ милліоновъ лѣтъ передъ тѣмъ. Нисколько, она вращалась вокругъ солнца, но люди по ихъ невѣжеству не замѣчали этого, вотъ и все. То же самое и въ моемъ открытіи (если только оно принадлежитъ мнѣ) относительно истинной природы соціальной борьбы. Уже нѣсколько вѣковъ человѣчество примѣняетъ въ соціальной борьбѣ силу изобрѣтательности и критики. Однако черезчуръ невѣжественные люди не замѣтили, что два этихъ психическихъ явленія создаютъ ихъ машины, средства ихъ экономической борьбы и всю ихъ соціальную организацію. Пока Леверрье не открылъ планеты Нептунъ, измѣненія въ орбитѣ Урана и Сатурна объяснялись извѣстными причинами. Но эти причины были ложными, потому что настоящая причина была въ Нептунѣ. Такимъ же образомъ, пока не была открыта истинная природа соціальной борьбы, человѣческій прогрессъ можно было объяснять рѣзней на поляхъ сраженій. Но эта причина ложная, потому что настоящая причина прогресса въ изобрѣтеніяхъ и критическомъ изслѣдованіи.

Теперь я долженъ обратить вниманіе на слѣдствіе, вытекающее изъ открытія истинныхъ формъ соціальной борьбы.

Изобрѣтательность приводитъ не всегда къ кри-

тическому изслѣдованію, а очень часто къ немедленному признанію или, собственно говоря, къ подражанію, о которомъ сожалѣлъ Габріэль Тардъ и благодаря которому можетъ выработаться механизмъ черезчуръ книжнаго типа.

Одна парижская модистка изобрѣла новую форму платья. Немедленно ему стали подражать, оно было, такъ сказать, одобрено щеголихами цѣлаго свѣта отъ Калькутты до Санъ-Франциско и отъ Стокгольма до мыса Доброй Надежды. Оппозиціи противъ новаго изобрѣтенія не было никакой; оно было принято немедленно. Со множествомъ другихъ изобрѣтеній всѣхъ родовъ, какъ въ области техники, такъ и въ области политики, происходитъ то же самое. Французскіе либералы 1789 года и прусскіе прогрессисты 1848 года не только не противились введенію парламентскаго режима, изобрѣтеннаго въ Англіи, а, напротивъ, находили его вполнѣ пригоднымъ и требовали его. Можно бы было привести не мало примѣровъ этого рода; случаи психическаго соглашенія превосходятъ случаи психическаго несоглашенія, которое даетъ мѣсто критикѣ и спорамъ. И если бы дѣло происходило иначе, общины постоянно расшатывались бы. Французы (или всякая другая нація) пришли къ соглашенію, понявши, что они должны жить цѣлымъ обществомъ и повиноваться законамъ своей стороны, чтобы Франція оставалась нераздѣльной, благоустроенной, счастливой. Если бы это соглашеніе не было достигнуто, Франція погрузилась бы въ ужаснѣйшую анархію. Но въ этихъ интеллектуальныхъ соглашеніяхъ, какъ и въ самыхъ реализированныхъ ассоціаціяхъ (оба явленія въ

сущности являются однимъ, но только разсматриваемымъ съ немного различныхъ точекъ зрѣнія), иногда многое упускается изъ виду благодаря ихъ скороспѣлости и безчисленности. Напротивъ, критика (аналогичная со спорами), несмотря на нѣкоторую долю болѣзненности, уже въ силу своей большей рѣдкости, пробуждаетъ индивидуальную и общественную сознательность.

Укажемъ теперь на другую ошибку дарвинизма. Странное дѣло! Всѣ согласны съ тѣмъ, что видъ львовъ борется противъ вида боа, видъ кошекъ—противъ вида мышей,—однимъ словомъ, только животныя различныхъ видовъ борются одни противъ другихъ. Но изъ общаго правила всегда дѣлаютъ исключенія, когда думаютъ о человѣкѣ. Въ одномъ этомъ случаѣ слово „борьба“ понимается какъ борьба противъ индивидовъ своего собственнаго вида и никогда, какъ борьба противъ другихъ видовъ. Но если извѣстно, что волки могутъ отлично поживать не поѣдая другъ друга, дарвинисты должны объяснить, на какомъ изъ законовъ природы они основываютъ свое утвержденіе, что люди не въ силахъ обходиться безъ этого. Волки не поѣдаютъ другъ друга потому, что инстинктъ взаимнаго охраненія укрѣпленъ въ нихъ наслѣдственностью. Въ человѣкѣ господствуютъ умственныя способности, а инстинкты находятся на второмъ планѣ. Однако человѣкъ остается существомъ, состоящимъ изъ клѣточекъ протоплазмы, какъ всѣ другія, и поэтому не можетъ выйти изъ сферы дѣйствія законовъ природы, а если такъ, непонятно, почему инстинкы не могли въ достаточной степени укрѣпиться путемъ на-

слѣдственности и въ немъ. Если человѣкъ представляетъ единственное исключеніе, дарвинисты должны объяснить причину этого. Вотъ самое главное. Но важно, что по инстинкту или по иной причинѣ волки не ѣдятъ другъ друга. Всегда найдется какой-нибудь дарвинистъ, который станетъ утверждать, что это обстоятельство пагубно для волчьяго вида, и что если бы волки поѣдали другъ друга, ихъ видъ могъ бы развиваться быстрѣе (или другой терминъ, выражающій движеніе впередъ, прогрессъ). Но дарвинисты находятся въ полномъ противорѣчіи съ общими законами природы, утверждая, что люди (одни) могутъ прогрессировать только черезъ истребленіе другъ друга. Дарвинисты обязаны объяснить намъ, почему нашъ видъ представляетъ это единственное исключеніе въ цѣломъ мірѣ живыхъ существъ. Ясно, что они никогда не найдутъ правдоподобнаго объясненія этому случаю, такъ какъ истина не на ихъ сторонѣ: люди прогрессировали бы гораздо быстрѣе, если бы постарались приноровиться къ общимъ законамъ природы, а не посвящать себя самоистребленію.

Съ другой стороны, нѣтъ ни малѣйшей доли справедливости въ утвержденіи того, что люди могутъ бороться только съ себѣ подобными. Напротивъ, весь міръ знаетъ, что, какъ у низшихъ животныхъ, ихъ дѣятельность должна заключаться въ борьбѣ съ другими видами и физической средой. Борьба противъ послѣдней имѣетъ своей цѣлью защиту отъ голода (искусственное увеличеніе пищевыхъ продуктовъ), защиту отъ вредныхъ климатическихъ условій (одежда и жилище), на-

конецъ приспособленіе земного шара къ нашимъ нуждамъ при помощи видоизмѣненія его поверхности (дороги, каналы, осушеніе морей, орошеніе пустынь и т. д.). Сумма усилій, направляемыхъ на борьбу съ неблагопріятными условіями среды, извѣстна подъ общимъ названіемъ экономическаго наращенія *). И эти усилія составляютъ главнѣйшую часть дѣятельности человѣческаго рода.

За борьбой противъ физической среды слѣдуетъ борьба противъ другихъ видовъ животныхъ. Сначала большіе: тигры, львы, волки, змѣи. Въ этомъ направленіи осталось сдѣлать очень немногое. Плотоядныя не представляютъ больше серьезной опасности. Но не такъ обстоитъ дѣло въ отношеніи мелкихъ видовъ, особенно безконечно мелкихъ. Послѣднія еще являются грозными: ихъ природа изучена сравнительно мало, и мы пока плохо вооружены для уничтоженія ихъ. Такимъ образомъ на насъ нападаютъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ микробы

*) Не достаточно оплодотворить хлѣбное поле однажды,—его нужно оплодотворять постоянно, приспособить извѣстную часть земной поверхности къ произрастанію хлѣба. Если бы хлѣбъ родился естественно въ достаточномъ количествѣ, это приспособленіе было бы безполезно. Человѣкъ употребляетъ свои усилія на искусственную поддержку только того, что не можетъ существовать само собою, естественно. Усилія, затрачиваемыя на добываніе хлѣба, называются земледѣліемъ. Каменнаго угля нѣтъ на поверхности земного шара (хотя это принесло намъ пользу), но онъ существуетъ подъ землей, и его приходится доставать изъ глубинъ наверхъ, чтобы можно было пользоваться имъ. Этотъ родъ усилій называется добывающей промышленностью. Если бы каменный уголь лежалъ на земной поверхности, добывающей промышленности не существовало бы. И такъ далѣе. Очевидно, что все экономическое наращеніе въ послѣднемъ анализѣ является приспособленіемъ планеты къ нашимъ потребностямъ.

подъ видомъ всякаго рода заразныхъ болѣзней *). Нападаютъ они на насъ еще и косвенно, уничтожая пищевые продукты (болѣзнь картофеля, филоксера и т. д.). Борьба съ микроорганизмами такъ же занимаетъ извѣстную часть нашей дѣятельности подъ видомъ всякаго рода санитарныхъ мѣръ, болѣе и болѣе распространяющихся и развивающихся среди населенія.

Мнѣ кажется, можно сказать, не боясь ошибиться, что восемь десятыхъ нашей работы тратятся на борьбу съ неблагопріятными условіями среды и съ различными видами животныхъ. И дарвинисты еще строятъ свои слѣпыя, странныя гипотезы для объясненія міровой борьбы, не видя, куда уходятъ восемь десятыхъ нашего времени, предаваясь пережевыванью несчастныхъ двухъ десятыхъ! Дѣйствительно, теорія, претендующая на строго научные методы и пренебрегающая восемью факторами изъ десяти, не можетъ быть названа никакъ, кромѣ теоріи чистаго, голаго эмпиризма.

Кто изъ дарвинистовъ будетъ утверждать, что борьба противъ физической среды можетъ когда-нибудь кончиться? Развѣ придетъ день, начиная съ котораго жареныя перепелки будутъ сами собою падать къ намъ въ ротъ, а жилища расти наподобіе грибовъ, чтобы намъ можно было скрыться въ нихъ отъ дурной погоды. Если же борьба противъ среды останется вѣчной и если, какъ я сейчасъ указалъ, среда является въ четыре

*) Антидифтеритная сыворотка и другія открытія этого рода, принадлежащія генію Пастера, являются какъ бы продолженіемъ того натуральнаго процесса, который образовалъ въ нашемъ тѣлѣ лейкоцитовъ для противодѣйствія болѣзнетворнымъ микробамъ.

раза болѣе грознымъ врагомъ, чѣмъ наши кажущіеся враги, на какомъ основаніи дарвинисты утверждаютъ, что человѣческій родъ свободенъ отъ дѣйствія общаго закона, что онъ будетъ исключеніемъ изъ всѣхъ видовъ, которые существуютъ на земномъ шарѣ?

Въ силу общаго закона природы, движеніе слѣдуетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Подъ вліяніемъ этого закона образуются соединенія въ 60 трилліоновъ клѣточекъ, какъ человѣческое тѣло. Въ сущности довольно безразлично борятся или объединяются живыя существа. Когда ассоціація возбуждаетъ и закрѣпляетъ собою высшую силу, напряженіе жизни, она имѣетъ преимущество; если же она закрѣпляетъ собою полную субординацію, очень скоро возникнетъ антагонизмъ. Линія наименьшаго сопротивленія есть господство одной изъ этихъ двухъ комбинацій надъ другой. Если человѣкъ встрѣчаетъ въ физической средѣ сопротивленіе, равное 8, а у себѣ подобныхъ—равное 2, не ясно ли, что въ силу общихъ законовъ природы, эволюціи, онъ избѣретъ линію наименьшаго сопротивленія и склонится на сторону общечеловѣческой ассоціаціи?

Эти колебанія чувствуются тѣмъ сильнѣе, что борьба можетъ быть вѣчной и ея проявленія безконечно разнообразными. Можно уже представить себѣ моментъ, въ который все человѣчество сознательно объединится для борьбы съ физической средой и другими видами животныхъ. Что же тогда произойдетъ? равновѣсіе, отдыхъ, затишье? Нисколько; получится совершенно обратное. Связь между людьми сдѣлается болѣе тѣсной, борьба

противъ враждебной среды пріобрѣтетъ большую силу и энергію *). Среда противопоставила нашимъ усиліямъ между другими два очень серьезныхъ препятствія: пространство и время. Человѣкъ придумалъ много средствъ для борьбы съ ними (желѣзная дорога, телеграфъ, письмо, фотографія, синематографія и т. д.). Однако вполнѣ понятно, что борьба съ этими врагами никогда не можетъ придти къ концу. Мы ѣздимъ въ настоящее время съ быстротою ста километровъ въ часъ, но вѣдь почему бы намъ не дѣлать двѣсти, триста километровъ и такъ далѣе. Люди будутъ больше и больше объединяться и такимъ образомъ посвящать болѣе времени борьбѣ съ физической средой, вслѣдствіе чего эта борьба станетъ сопровождаться большимъ и большимъ количествомъ побѣдъ. Но каждый достигнутый успѣхъ будетъ облегчать рядъ дальнѣйшихъ успѣховъ и такимъ образомъ человѣчество будетъ идти впередъ болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ, идти безостановочно.

Итакъ, естественныя формы соціальной борьбы — только психологическіе феномены изобрѣтательности и критическаго изслѣдованія. Борьба между людьми—только часть той великой борьбы, которую приходится выдерживать нашему виду противъ его внѣшнихъ враговъ. Вотъ неоспоримые факты, на которые соціальный дарвинизмъ не изволитъ обращать вниманіе, и вотъ доказательство того, что эта теорія—безусловно ложная теорія.

---

*) Это выражаютъ еще другимъ образомъ, именно: богатства будутъ накопляться съ

АКАДЕМИЯ